

Вступительная заметка

Ревностный читатель, мой собрат и друг, ты найдешь здесь несколько очерков о книгах, всю жизнь даривших мне неисчерпаемое наслаждение. Хотелось бы думать, что мой выбор совпадет с твоим. Не стану утверждать, будто успел рассказать о всех прославленных книгах, но каждая из тех, о которых здесь заходит речь, представляется мне в чем-то великой. Расположив эти очерки в хронологическом порядке, я даже испытал счастливое изумление: оказалось (если уподобить изящную словесность горному хребту), в поле моего зрения попали высочайшие вершины. Переходя от «Исповеди» Руссо к «Замогильным запискам» Шатобриана, от Реца — к Стендалю, от «Отца Горио» — к «Госпоже Бовари», от Вольтера и Гёте — к Толстому и Прусту, мы следуем дорогой, которую озаряют ярчайшие путеводные светочи. Я постарался рассказать, чем восхищает меня стиль этих мастеров слова. Ты, может статься, найдешь для любви к ним другие причины. Но будешь ли ты в своих мыслях со мной заодно или против меня, в любом случае тебе предстоит провести несколько часов, дыша воздухом горных вершин. А он для здоровья полезен.

А. М.

Кардинал де Рец

«Мемуары»

Жан Франсуа Поль де Гонди, будущий кардинал де Рец, родился в сентябре 1613 года в Шампани, в прекрасном замке Монмирай в двух десятках лье от Парижа. Замок этот высился на холме, травянистый склон которого террасами спускался к речке Пти-Морен. В день рождения мальчика там был выловлен осетр — совпадение, которое сочли добрым знаком. Семейство Гонди — флорентийцы, обосновавшиеся в Лионе и по воле Екатерины Медичи занимавшие высочайшие посты в королевстве. «Род, во Франции знаменитый», и, по определению кардинала, «древний в Италии». Этого последнего мнения придворный знаток генеалогии не разделял. Однако если насчет древности рода позволительно усомниться, то дворянство Гонди было реальным, ведь недаром же близ устья Луары специально для них было учреждено герцогство де Рец (или де Рес). Гонди дважды становились столичными архиепископами. «Парижское архиепископство — удел нашего рода», — заявляет автор «Мемуаров», а коль скоро он был младшим сыном, обычай и воля отца настоятельно требовали, чтобы он вне зависимости от своих склонностей избрал карьеру священнослужителя.

Рос он сначала в Монмирае, потом в Париже, где его воспитанием занялся месье Венсан де Поль¹. Последнему не удалось сде-

¹ *Венсан де Поль* (св. Викентий де Поль; 1581–1660) — католический святой, основатель конгрегации лазаристов и конгрегации дочерей милосердия.

лать из своего ученика святого. Юный Гонди восхищался Цезарем и в восемнадцать лет, следуя итальянским образцам, сочинил трагедию «Заговор Фиеско», где уже вполне проявилась своеобразная мощь его стиля. Не жалея усилий, портил себе репутацию галантными похождениями и дуэлями в надежде избежать уготованной ему сутаны. Но «победить судьбу» не смог.

Осознав, что обречен принадлежать церкви, он решил по крайней мере служить ей с блеском: «занял первое место, сдавая в Сорбонне экзамен на степень лиценциата», стал почитаемым проповедником, обратил в католичество одного гугенота, и в 1643 году Анна Австрийская назначила его коадьютором (заместителем архиепископа) Парижа в сане архиепископа Коринфского *in partibus* (то есть только номинально), что являлось, по сути, синекурой. Ему было в ту пору двадцать девять лет. Тем и кончается первая часть его «Мемуаров», к несчастью сохранившаяся лишь в виде фрагментов.

Вторая часть посвящена истории Фронды. Она дошла до нас полностью. Гонди, сначала как коадьютор, позже как архиепископ Парижский, благодаря терпимости, красноречию, умению налаживать неофициальные связи с чиновной верхушкой столичных кварталов стал влиятельной церковной и политической фигурой. Он затеял сперва подспудную, а затем открытую борьбу с кардиналом Мазарини. Гонди разжег бунт против министров поначалу в парламенте, потом и на парижских улицах. После возвращения королевского двора в столицу Гонди получил кардинальскую мантию и добился изгнания Мазарини. Но такой успех был чреват опасностью. В стране, где правит женщина, притом еще не старуха, политическая победа — звук пустой, если она не подкреплена благосклонностью государыни. Мазарини, даром что побежденный, сосланный, остался более могущественным, чем победоносный, не покидавший столицы Гонди. В 1652 году кардинал де Рец был взят под стражу, заточен в Венсенский замок, и Париж не встал на его защиту. Его отправили в Нант, в крепость. Он бежал оттуда, вывихнув при падении с лошади плечо, но после ряда удивительных походов в конце концов добрался до Италии.

Третья часть «Мемуаров» не закончена. Она содержит только рассказ о прибытии кардинала в Италию и восхитительное описание папского конклава.

В 1661 году после смерти Мазарини кардинал де Рец согласился сложить с себя сан архиепископа Парижского — при жизни покойный министр тщетно добивался от него этой отставки. Обеспечив себе таким образом примирение с королем, он удалился в свое поместье Коммерси, что в Лотарингии, где неизменным благоразумием поражал Францию, которая так долго дивилась его безумствам. «Если смолоду он жил как Катилина, то на склоне дней уподобился Аттику»¹, — писал Вольтер, сравнивая его здесь с известным римским ученым и писателем, другом Цицерона.

Де Рец часто посещал Париж, где у него оставались очень близкие друзья. Госпожа де Севинье² предпринимала усилия, чтобы развлечь его: «Мы стараемся забавлять нашего милого кардинала. Корнель читал ему пьесу, которую вскоре сыграют на театре, она будит воспоминания о драмах его юности. В субботу Мольер прочтет ему „Триссотена“³, очень занятную вещицу. Буало Депрео подарит ему свой „Налой“ и „Поэтическое искусство“. Вот и все, что можно сделать, чтобы его потешить».

Еще не раз он побывает в Риме, в частности на конклаве 1667 года, где происходило избрание папы Климента IX⁴. Частенько он наезжал туда с какой-либо дипломатической миссией, весьма ловко защищая интересы Франции. В 1675-м он хотел было сбросить с плеч кардинальский пурпур, испрашивал на то благословения папы, но получил отказ. В том же году он предоставил все свои доходы в распоряжение кредиторов. Скончался де Рец в 1678 году в Париже, в особняке своих племянников Ледигьеров⁵, согласно свидетельству Сент-Бёва⁶, оставив по себе память «как о человеке

¹ *Катилина Луций Сергий* (ок. 108–62 до н. э.) — римский политический деятель, глава заговора против республиканского строя; имел репутацию алчного и распутного человека; адресат обвинительных речей Цицерона. *Аттик Тит Помпоний* (109–32 до н. э.) — богатый, но скромный эпикуреец, друг Цицерона и адресат его писем.

² *Севинье Мари де Рабютен-Шанталь*, маркиза де (1626–1696) — писательница, автор знаменитых «Писем» (1-е изд. 1726).

³ Имеется в виду комедия Мольера «Ученые женщины» (1672), одним из персонажей которой является Триссотен.

⁴ *Климент IX* (1600–1669) — папа римский с 20 июня 1667 г.

⁵ *Де Ледигьер* — герцогский род (с 1611).

⁶ *Сент-Бёв Шарль Огюстен де* (1804–1869) — литературный критик и поэт.

самом любезном, приятнейшем в общении и безупречном, прекрасном друге»...

Жизнь этого человека — необычайный, приключенческий сюжет, но история его книги не менее удивительна. «Мемуары» вышли в свет в 1717 году. Тотчас несколько малоизвестных критиков выразили сомнение в их подлинности. «Кто нам докажет, что так и есть?» — вопрошали они. Да и вправду ли Рец писал воспоминания? Даже его ближайшие друзья, похоже, понятия об этом не имели. Госпожа де Севинье еще в 1675-м говорила: «Настоятельно советуйте ему взять на себя труд записать свою историю и тем самым хорошенько позабавиться. Друзья упорно побуждают его к этому...» Стало быть, они склоняли его к написанию книги, но он не послушал или, если и сделал это, она о том не знала.

Однако в «Истории Лотарингии» отца Кальме¹, ученого бенедиктинца, читаем: «Пребывая в Коммерси, он сочинил свои „Мемуары“, которые были опубликованы в трех томах в Нанси в 1717 году. Их оригинал, писанный собственноручно, хранится в аббатстве Муаенмутье». Не успел появиться тот первый трехтомник, а принцесса Палатинская², вторая жена герцога Орлеанского, уже пишет из Германии: «У монахов обители Сен-Мийель имеется оригинал „Мемуаров“ кардинала де Реца. Они его отдали в печать и продают в Нанси, но в этом экземпляре многого недостает. Между тем в Париже есть одна особа, некая мадам Комартен, которая располагает манускриптом, где ни единого слова не пропущено. Однако она упорно отказывается выпускать его из рук, хотя с его помощью можно было бы восполнить то, чего недостает в других».

Отец Кальме и принцесса Палатинская не ошибались. Во время Революции рукопись «Мемуаров» и впрямь была найдена в монастыре города Муаенмутье, ее тогда передали в распоряжение министерства внутренних дел, и она, пережив затем довольно продолжительные странствия, обрела приют в Национальной библиотеке.

¹ *Кальме Огюстен* (1672–1757) — аббат-бенедиктинец, историк и богослов, автор книги «Церковная и гражданская история Лотарингии» (1737).

² *Елизавета Шарлотта Пфальцская* (1652–1722) — немецкая принцесса из рода Виттельсбахов, жена Филиппа I Орлеанского.

Что до госпожи де Комартен, которую долго считали адресатом «Мемуаров», то она владела не оригиналом, а лишь набело переписанной копией, которую сама в свой черед поручила переписать еще раз. От нее-то сочинение и попало к книготорговцам, которые его издали.

Немудрено, что вокруг всех копий этой книги, которая никак не могла быть опубликована при жизни Людовика XIV, сгустилась атмосфера глубочайшей таинственности. В ту эпоху почтение к монархии возросло настолько, что старым парижанам, свидетелям Фронды, оставалось только дивиться, а эти воспоминания о днях, когда король и его мать, не одержавшие верх, были вынуждены бегством спастись из Парижа, показались бы преступными. К тому же для самого кардинала, решившего отныне вести жизнь праведника, что одни осуждали как лицемерие, а другие, более осведомленные, считали искренним, было естественно стараться скрыть от мира рассказ о безумных деяниях своей юности.

Сочинялось ли это повествование на последнем, мирном и уединенном этапе его жизни? Представляется более вероятным, что оно, хотя бы в набросках, возникло раньше. Страсти, что выразились там, еще слишком пылки. Безмятежность старости не успела наложить отпечаток на манеру автора. Факты, разговоры, встречи воспроизведены с такой точностью, какой трудно достигнуть даже спустя несколько дней или месяцев после события, а лет через двадцать пять — тридцать это становится попросту невысказанным. Но можно предположить, что кардинал в своем уединении в Коммерси, опираясь на дневниковые записи, старые заметки и официальные протоколы заседаний парламента, взялся переработать давнюю рукопись, дабы придать ей более совершенную форму.

Сам ли он из соображений щепетильности упразднил фрагменты, которых нам теперь недостает? Или мемуариста на склоне лет окружали набожные советчики, которые настояли на этих изъятиях, а то и сами после его смерти кое-что уничтожили? Мы того не знаем, но смутно чувствуем, что за кончиной этого странного и очаровательного старца кроется какая-то тайна, может статься, там даже без борьбы не обошлось. Бывает, что друзья выдающегося человека ставят его величие на службу своим амбициям. Кое-кто из бывших участников Фронды мог желать, чтобы де Рец посмертной публикацией своих «Мемуаров» в один прекрасный день оправдал

бунтарские деяния их общей молодости. Другие же, быть может, напротив, хотели заставить этот мятежный дух смириться перед Господом.

Жан Шлюмберже¹ написал о смерти кардинала де Реца превосходный роман «Состарившийся лев». Там он, пользуясь правом на вымысел, выдвигает ряд гипотез, которые нельзя признать историческими фактами за невозможностью подкрепить их известными документами, однако они правдоподобны и интересны. Существует блистательный анализ структуры и стилистики рукописей «Мемуаров», он принадлежит Альфонсу Фейе² и опубликован в серии «Великие писатели» в качестве предисловия к их изданию.

Для любителей заглядывать в глубины душ человеческих истории кардинала де Реца представляет целый ряд пикантных и любопытных проблем. Среди его современников не нашлось второго столь пронизательного историка, ни один из них с такой ясностью не осознал, до чего разладился механизм королевской власти в годы детства и отрочества Людовика XIV, никому не удалось точнее оценить и лучше описать не только ведущих деятелей Фронды, но и политиков других эпох.

«Мемуары» изобилуют сентенциями, которые поныне так же верны, как в 1640 году, умозаключениями столь же глубокими и дерзновенными, как максимы Макиавелли³, и более впечатляющими, поскольку они конкретнее. Их там встречаешь на каждой странице: «Залог успеха тех, кто вступает в должность, — сразу поразить воображение людей поступком, который в силу обстоятельств кажется необыкновенным»; «Я оказывал почет всем, кто посещал мой дом... и таким способом снискал в глазах многих репутацию человека учтивого, а в глазах некоторых — даже смиренного»; «...никакие силы в мире не властны повредить доброму имени того, кто сохранил его в собственной среде» (здесь, естественно, подразумевается сообщество тех, кто занят одним делом: репутация депутата среди других парламентариев, врача — в глазах других врачей

¹ Шлюмберже Жан (1877–1968) — писатель, автор романа «Состарившийся лев» (1924).

² Альфонс Фейе — издатель, первым начавший полное издание сочинений Реца в серии «Великие писатели» в 1870 г.

³ Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский писатель и политический мыслитель.

и т. п.); «Народ вторгся в святилище: он сорвал покров, который во веки веков должен скрывать все, что можно сказать, все, что можно подумать о праве народов и о праве королей, согласию которых ничто не содействует так, как умолчание»; «Люди подобного склада сами ничего не способны исполнить и посему готовы советовать всем».

Никогда еще столь острый ум не упражнялся в рассуждениях на политические темы и в плетении интриг. Стоит перечитать хотя бы его бесподобное описание Франции времен Мазарини. Невозможно вообразить более впечатляющую картину того, что творилось в стране на пути от анархии аристократической и вместе с тем буржуазной к абсолютизму, всю власть сосредоточившему в центре. Чем объяснить, что столь гениальная одаренность не привела этого человека к успеху, что карьера великого политика завершилась политическим крахом? Ведь Рец ничего не построил, он даже не разрушил ничего. Жаждал славы, а снискал ее лишь после кончины, да и пришел к ней окольным путем. Имел честолюбивые притязания как священнослужитель, метил высоко и как мирской деятель, но не стал ни выдающимся министром, ни великим пастырем. Почему?

Заметим, как это поразительно: три самых тонких теоретика карьеры, может статься, сильнейшие из всех честолюбцев — Рец, Макиавелли, Стендаль — потерпели поражение в своих практических начинаниях. Позволительно, чего доброго, заключить, что чрезмерно живой ум — не самое лучшее оружие в борьбе этого рода. Люди с таким темпераментом выводят из своих наблюдений прекрасные максимы общего порядка, охотно вдохновляются блистательной формулировкой, готовы применить ее на практике. Но разум способен на масштабные ошибки, и самые смелые умозаключения заводят в тупик того, кто принимает их за абсолютную истину. Интеллект успешно рождает идеи общего порядка, а действовать приходится, не иначе как исходя из конкретных обстоятельств.

(Не привести ли здесь пример рискованных максим подобного рода? Скажем, такой: «Громкие имена всегда кажутся убедительным доводом мелким душонкам». Фраза принадлежит Рецу, и она великолепна, но идея ошибочна. Ведь Ришелье и Мазарини — носители великих имен; если бы они и впрямь послужили ему ори-

ентиром, он бы действовал успешнее. Стало быть, блестящая формулировка не обязательно верна.)

Рец усердно штудировал Плутарха, читал «Заговор Фиеско» Маскарди¹. Он восхищался выдающимися людьми прошлого, стремился подражать им. Такой образ действия порой ведет к успеху, но годится лишь для натур практических, наделенных даром терпения, для тех же, кто воспринимает избранные примеры некритично, без корректировки, этот путь фатален. Будучи еще совсем юным, Рец так отвечает старому другу, упрекнувшему его за то, что он чересчур сорит деньгами: «Я прикинул: у Цезаря в мои лета долгов было вдесятеро больше». Между тем еще Паскаль заметил, что нам хочется подражать великим людям не столько в их добродетелях, сколько в слабостях. Невежда подчас имеет перед культурным человеком то преимущество, что не ищет себе образцов среди обитателей могил.

Рец, Макиавелли, Стендаль — все трое были циниками. Это расположение духа и опаснее, и обаятельнее лицемерия. Циник высказывает вслух то, о чем другие думают. Это не преступление, это ошибка. С одной стороны, он и впрямь подставляет себя под удар: лицемеру легко, прикрываясь благочестивыми речами, разить своего незащищенного противника. С другой — и это куда серьезнее, — циник лишает себя права на подлинную добродетель, он вынужден довольствоваться половинчатой добродетелью, которая для него не что иное, как искренность, вызывающая мало интереса. Вот почему он редко достигает успеха, и это справедливо.

Подлинный честолюбец не ведает того отстраненного интереса к драме бытия, что присущ Стендалю или Гонди. Для них жизнь — театр. Они не в состоянии отрешиться от этой метафоры. Рец, описывая конклав, говорит: «Все актеры отлично сыграли свои роли, театр был полон, действие не слишком разнообразно, но пьеса была хороша, тем более что отличалась простотой...» Попробуйте сравнить это умонастроение с восприятием человека, которого этот же конклав изберет папой, — кардинала Киджи², который

¹ *Маскарди Агостино* (1590–1640) — итальянский писатель.

² *Киджи Фабио* (1599–1667) — с 1655 г. папа римский под именем Александра VII.

«проводил все время в своей келье, отказываясь даже принимать посетителей». Истина в том, что приходится выбирать между радостями жизни и успехом. Сам Рец в старости прилежно отдавался труду, он больше не жил — он писал. Потому-то мы все еще восхищаемся им.

В свои цветущие годы он избрал жребий искателя приключений. Сент-Бёв характеризует его как прирожденного авантюриста, любившего действие ради действия, а не во имя результата. С таким темпераментом не уподобишься Мазарини, зато можно, пожалуй, стать человеком гораздо более обаятельным. «Он внушал любовь, потому что сам любил и умел любить». Эта фраза прозвучала в надгробной речи, посвященной кардиналу де Рецу. Печаль его друзей, по-видимому, доказывает, что это правда. Такие неутомимые путаники зачастую очень симпатичны хотя бы тем, что «не ведают зависти и жадности», и люди охотно платят приятностью тем, кто тревожит монотонное течение их мелко упорядоченной жизни, привнося в нее освежающее волнение и малую толику возвышенного.

С натяжкой можно назвать де Реца политиком. Мазарини, не в пример ему, был воплощением порядка и мира, необходимого королевству. Зато невозможно не признать, что он был одним из величайших писателей Франции. Хотя, к досаде некоторых особенно ревностных почитателей, он не снискал литературной известности, равной той, что выпала на долю Сен-Симона¹, его сближает с последним доходящее до излишества богатство стиля — особенность человека, который много повидал и, следовательно, готов поведать о многом. Будучи ближе к XVI веку, чем Сен-Симон, он сохраняет унаследованную от Монтеня² вольную пышность стиля, красочность, изящный строй речи. Примеры тому находим на любой странице: «Мое преступление... было тем тяжелее, что я изо всех сил усугублял его... широкой раздачей милостыни, щедростью, зачастую потаенной, но вызывавшей порой отзыв тем более громкий». В своих инвективах, направленных против людей, которых он не жаловал, Рец достигал сен-симоновской яростной силы: «Гер-

¹ *Сен-Симон Луи де Ровруа*, герцог де (1675–1755) — автор мемуаров о временах Людовика XIV и Регентства.

² *Монтень Мишель де* (1533–1592) — философ и писатель, автор «Опытов».

цог де Бофор...¹ вбил себе в голову, будто станет править королевством, на что был способен менее, нежели его лакей. Епископ Бовезский², самый глупый из всех известных вам глупцов, сделался первым министром...» А вот и про Мазарини: «На ступенях трона, откуда суровый и грозный Ришелье не столько правил смертными, сколько их сокрушал, появился преемник его, кроткий, благодушный, который ничего не желал, был в отчаянии, что его кардинальский сан не позволяет ему унизиться перед всеми так, как он того хотел бы, и появлялся на улицах с двумя скромными лакеями на запятках своей кареты».

Сочная сжатость, четкость этих фраз, достойных Тацита, поистине великолепна: «Кардинал де Ришелье любил остроты, но не терпел, когда они были обращены против него»; «При Карле IX и Генрихе III двор так устал от смуты, что все, не бывшее покорностью, почитал бунтовщицеством»; «...на улицах не видно ни души, все успокоилось, и завтра можно будет вздернуть кого угодно».

Рецу, как и Сен-Симону, свойственно качество, которое долгое время делало французский язык таким же прекрасным, как латынь: некоторая затемненность и вместе с тем прозрачность. Это следствие предельной насыщенности фраз и отказа от повторения слов, без которого читатель с живым умом легко обходится: и так понятно, о чем речь. Позже, начиная с XVII века, никто уже не осмеливался подменять местоимением слово, о котором приходится догадываться. Но Рец еще решается писать: «Вас не должно удивить, как (век спустя дописали бы: „удивляет“) всех прочих, что герцога де Бофора заключили в тюрьму при дворе, где из темниц только-только вышли (он не уточняет: „на свободу“) все без изъятия».

Пруст в своих заметках «Пастиши и смесь», завершающих его книгу «Против Сент-Бёва», замечает, что очарование, которое он находит в некоторых строках Расина, именно в том и состоит, что там умышленно нарушены привычные синтаксические связи.

¹ *Бофор Франсуа де Бурбон-Вандом*, 2-й герцог де (1616–1669) — внук Генриха IV, один из вождей Фронды.

² *Потье Огюстен* (Потье де Бланмениль; ок. 1556–1650) — епископ в Бове (1617), духовник Анны Австрийской, назначенный в 1643 г. первым министром; был удален после возвышения Мазарини.

Самые знаменитые расиновские стихи оттого и стяжали славу, что пленяют этакой фамильярной непринужденностью фраз, переброшенных, словно дерзостный мостик, меж двух сладостно гармоничных берегов: «Ведь даже и сейчас, когда так низко, гадко // Ты поступил со мной, я — та же, что была».

У Реца дерзостей такого рода полным-полно. Вскормленный Тацитом, ступивший на стезю сочинительства на полпути между Монтенем и Сен-Симоном, этот кардинал-рыцарь остается для нас великим французским прозаиком.

Лабрюйер

«Характеры»

Мне неведомо, какими станут люди, которым выпадет жить через две тысячи лет. Я не знаю, будут они прозябать в состоянии жалкого варварства или благодаря чудесам науки завладеют другими планетами и поставят себе на службу силы, заключенные в материи. Я не берусь гадать, свободу они для себя изберут или рабство, будет ли у них всеобщее процветание, или они станут делить свои блага. Одно могу предсказать, не опасаясь ошибки: люди эти будут похожи на тех, кого живописует Лабрюйер. Среди них найдутся униженные и надменные, мощные умы и благочестивые сердца, среди них будут жить легкомыслие, тщеславие, скрытность, рассеянность, зависть, ненависть, а подчас даже величие, ибо они, что бы там ни было, люди.

«Мы, ныне столь современные, через несколько столетий окажемся древними», — писал Лабрюйер и спрашивал себя, что скажут потомки о продажности должностных лиц французского золотого века¹, о финансистах, утопающих в роскоши, об игорных домах, о боевом оружии, которое у придворных всегда под рукой. И вот теперь мы с вами, а мы и есть то самое потомство, для которого Лабрюйер стал классикой и стариной, без малейшего изумления читаем у него о том, что наблюдаем и в наше время, причем к былым несуразностям прибавились новые, еще более поразительные. И у нас в свой черед есть причины опасаться, что нынешние нравы внушат отвращение нашим правнучатым племянникам.

¹ *Золотой (Великий) век* — традиционно выделяемый во французской историографии период правления трех первых королей династии Бурбонов: Генриха IV (1589–1610), Людовика XIII (1610–1643) и Людовика XIV (1643–1715).

История поведает им о том, как люди нашего времени с помощью летающих машин за несколько минут разрушали цивилизации, которые создавались веками. Она продемонстрирует им нашу экономику, столь путаную, что целые народы умирают с голоду на глазах соседей, не знающих, к чему бы приложить руки, и валютную систему, извращенную до такой степени, что одни в поисках золота долбят землю в Африке, а другие роют ямы в Америке, чтобы его закопать, и товарообмен, страдающий от недостатка судов, поскольку мы смело отправляли на дно океана флоты, создание которых стоило огромных затрат.

Они узнают, что наши улицы были такими узкими, что ходить по ним пешком было легче и быстрее, чем ездить на автомобиле, а наши дома в зимнее время не отапливались. Узнают, что мужчины и женщины подрывали свое здоровье и разум жуткой смесью напитков, что громадные средства уходили на выращивание растения, листья которого затем усилиями всех народов Земли превращались в дым, что наше представление об удовольствии сводилось к тому, чтобы проводить ночи в забитых людьми помещениях, любуясь, как другие существа, такие же убогие, как мы сами, пьют, танцуют, курят. Потрясет ли наших потомков все это? Отвернутся ли они, не желая вникать в обычаи такого безумного мира? Не обольщайтесь. У них будут свои безумства, еще похуже наших. Они прочтут Лабрюйера, как он читал Теофраста¹. И скажут: «Смотрите, что за восхитительная книга: она написана два тысячелетия назад, а мы узнаем в ней самих себя, наших друзей и врагов, такому сходству между людьми, которых разделяют века, нельзя не подивиться».

Да, человеческая природа не изменилась со времен Лабрюйера. Двор больше не зовется двором, правитель уже именуется не королем, а лицом, облеченным властью, но у окружающих его льстецов и просителей нравы все те же. Разве не остается справедливым замечание, что «успех влияет на расположение людей, он их чарует, так что немного нужно для того, чтобы удачное злодеяние восхвалялось как подлинная добродетель». Разве не видели мы таких, кто, «оставшись с вами наедине, осыпают вас ласками», а на людях избегают «вашего взгляда или встреч с вами»? А кто не знает этого

¹ *Теофраст* (Феофраст; 372–287 до н. э.) — древнегреческий философ, автор книги «Характеры», послужившей образцом для Лабрюйера.

Демофила (в переводе с латыни — Народолюбца), который сетует, восклицая: «Все кончено, государство погибло!» — а сам прикидывает, куда бы переправить свои деньги, мебель и семейство?

Читаем дальше: «Не ждите искренности, откровенности, справедливости, помощи, услуг, благожелательности, великодушия и постоянства от человека, который недавно явился ко двору с тайным намерением возвыситься. Узнаете вы его по речам, по выражению лица? Он уже перестал называть вещи своими именами, для него нет больше плутов, мошенников, глупцов и нахалов — он боится, как бы человек, о котором он невольно выскажет свое истинное мнение, не помешал ему выдвинуться... Он не только чужд искренности, но и не терпит ее в других, ибо правда режет ему ухо. С холодным и безразличным видом уклоняется он от разговоров о дворе и придворных, ибо опасается прослыть соучастником говорящего и понести ответственность». Не пробуждает ли этот портрет неких весьма близких ассоциаций? Мы говорим «достигнуть цели» вместо «выдвинуться», но разница лишь в словах — образ действия все тот же.

Характеры людей определяются и формируются их взаимоотношениями. Возьмите государя, его двор, подданных, прочее можно вычесть. Замените имя и титул властителя, назовите двор кабинетом или окружением — отношения от этого мало изменятся, те же причины будут приводить к тем же следствиям. Неизменность характеров — залог бессмертия того, кто их живописал.

Об этом авторе, столь знаменитом и так хорошо знавшем своих современников, эти последние не поведали нам почти ничего.

Мало кто вел такую замкнутую жизнь. Это верный признак мудрости. «Не лстыть никому, не ждать, чтобы кто-нибудь оказал вам внимание, — чудесное положение, золотой век, наиболее естественное состояние человека». Достигнуть подобного состояния в чистом виде, живя при дворе принца¹, Лабрюйер, разумеется, не мог, но по крайней мере он стремился приблизиться к нему. «Мне изображали его, — писал д'Оливе², — как философа, который не думает ни о чем, кроме спокойной жизни в кругу друзей и книг,

¹ Лабрюйер был воспитателем герцога Бурбонского, внука Великого Конде (см. далее).

² Д'Оливе Пьер Жозеф Тулье (1682–1768) — филолог и историк Французской академии.

отбирая лучшее среди тех и других, который не жаждет и не ищет никаких наслаждений, предпочитает скромные радости и умеет их извлекать, вежлив в манерах и умен в рассуждениях, лишен всякого честолюбия, желая показать свой ум». Суровый Сен-Симон и тот подтверждает этот лестный отзыв: «Это был исключительно честный человек, очень хороший друг, простой, без всякого педантизма и очень бескорыстный».

О нем известно лишь, что родился он в августе 1645 года в Париже и подписывался «Жан Делабрюйер», в одно слово, не выделяя дворянское «де», хотя и приобрел в Кане пост казначея Франции и принц Конде¹ по рекомендации Боссюэ² назначил его воспитателем юного герцога Бурбонского³, своего внука. Опубликовано несколько писем, в которых Лабрюйер извещает Конде о том, как выполняется эта миссия. Послания точны, выдержаны в смиренном тоне. Должно быть, Лабрюйеру пришлось немало вытерпеть, живя в лоне семьи Конде, «столь знаменитой удачливыми вертопрахами, а также блестящей светскостью, жестокостью и разгульными нравами».

Из пребывания в этом доме Лабрюйер извлек много наблюдений над важными персонами и помазанниками Божьими. Но он всегда добросовестно выполнял свои обязанности, чередуя историю и географию, Декарта и Лафонтена. «Я отнюдь не упускаю из виду, — писал он Конде, — ни сказки, ни историю управления державой... и с утра до вечера размышляю о том, как принести ему больше пользы и сделать занятия менее тягостными для моего ученика». В награду за такое усердие семья Конде дала ему возможность до конца дней прожить с ними в Версале и обеспечила пенсией, которой хватало на его нужды.

Поскольку честолюбивых притязаний Лабрюйер не питал, он, может быть, и автором не стал бы, если бы сначала не занялся переводом «Характеров» Теофраста. «Чтобы достичь совершенства в словесности и — хотя это очень трудно — превзойти древних, нужно начинать с подражания им» — так он считал. Поэтому ему нравилось вставлять в текст античного автора свои оригинальные замечания. Получалось весьма удачно, новые издания переводов неужи-

¹ Конде Людовик II де Бурбон, принц де (1621–1686) — первый принц крови, генералиссимус.

² Боссюэ Жак Бенинь (1627–1704) — религиозный деятель и писатель.

³ Конде Людовик III де Бурбон, принц де (1668–1710) — принц крови и пэр.

данно обогатились свежими сентенциями и характерами, Теофраст оказался мало-помалу оттеснен на второй план, его захлестывали потоки новых рассуждений, изложенных искуснее и с большим блеском, чем его собственные. Так в возрасте сорока трех лет к Лабрюйеру внезапно пришла слава.

Первое издание «Характеров» увидело свет в 1688 году. А в 1693-м Лабрюйера удостоили членства в Академии, однако его вступительная речь успеха не имела. Холодный прием, оказанный ему, вызвали три обстоятельства. Во-первых, речь, надо признать, была и впрямь не из лучших: стремясь воздать хвалу членам почтенного собрания, он построил свое выступление как серию их словесных портретов, но то были отнюдь не шедевры, достойные такого большого писателя. Во-вторых, те из «бессмертных», кто, не удостоившись персональных комплиментов, был вынужден удовлетвориться безличными похвалами Академии в целом, были этим раздосадованы. И наконец, те несколько человек, которые полагали, и не без причины, что осмеянию в «Характерах» подверглись именно они, были рады, что подвернулся повод расквитаться. «Я только что выслушал, — сказал Теобальд (считается, что это был Фонтенель)¹, — длинную, скверную и нудную речь, которая вызвала у меня неодолимую зевоту и надоела до смерти». На что Лабрюйер в «Предисловии к речи, произнесенной в Академии» резко ответил: мол, он убежден, что публика «еще не вконец одурманена и замучена усталостью, выслушивая в течение стольких лет карканье старых воронов вокруг тех, кто в свободном полете на легких крыльях своих писаний поднялся ввысь к некоторой славе».

Эта маленькая интрига — последнее дошедшее до нас событие его жизни, происшествиями не богатой. Лабрюйер умер в 1696 году от апоплексического удара, ему был тогда пятьдесят один год. «Я достаточно хорошо его знал, — говорит Сен-Симон, — и потому сожалею о нем и о тех трудах, которых при его возрасте и здоровье мы могли еще от него ожидать».

Не имея возможности узнать больше об этом человеке, можно попытаться восполнить недостающее, обратившись к его книге. Как мы уже сказали, он был философом. Это лишний раз подтверждает

¹ *Фонтенель Бернар Ле Бовье де* (1657–1757) — писатель и ученый. См. о нем следующий очерк.

тот факт, что он никогда не был женат. Однако можно догадаться, что в дружбе он умел быть очень нежным и любовь была ему знакома не понаслышке. Тот, кто мог написать: «В истинной дружбе таится прелесть, непостижимая заурядным людям», или еще: «Чтобы чувствовать себя счастливым, нам довольно быть с теми, кого мы любим: мечтать, беседовать с ними, хранить молчание, думать о них, думать о чем угодно — только бы не разлучаться с ними, остальное безразлично», — такой человек обладал столь же утонченной душой, как и Стендаль. «На свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо, и нет музыки слаще, чем звук любимого голоса». Тот, кто после этого усомнится, что Лабрюйер бывал влюблен, сам ничего не смыслит в любви.

Наделенный благородной душой, он презирал всякую низость: «Хорошее средство для того, кто впал в немилость у принца, — это уединение... Самый лучший способ для фаворита, подвергнувшегося опале, — не прятаться где-то в глуши, позволяя, таким образом, забыть о себе, а, наоборот, заставить наилучшим образом говорить о себе, бросившись, если возможно, в какое-нибудь благородное и отважное предприятие». Но относительно людей он не обольщался. Те, кого он наблюдал при дворе, иллюзий не внушали. Владея умением различать низкие, потаенные мотивы людских поступков, Лабрюйер был весьма едким сатириком, хотя и под личиной учтивости. Служил вельможам, но без подобострастия. «Я завидую их счастливой возможности иметь на своей службе людей, душевными качествами не ниже, а иногда и превосходящих их». Что-то в нем есть от Жюльена Сореля: «У народа мало ума, у вельмож — души; у первого — хорошие задатки и нет лоска, у второго — все показное и нет ничего, кроме лоска. Если меня спросят, кем я предпочитаю быть, я не колеблясь отвечу: „Народом“».

Позиция довольно редкая по тем временам (впрочем, ее можно заметить также у Фенелона и Вобана)¹. Лабрюйер склоняется к народу, удивляясь и негодуя при виде его состояния: «Глянешь на иных бедняков, и сердце сжимается: многим нечего есть, они боятся зимы, страшатся жизни. В это же время другие лакомятся све-

¹ Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651–1715) — писатель, религиозный мыслитель и педагог, автор романа «Приключения Телемака» (1695). Вобан Себастьян Лепретр де (1633–1707) — военный деятель, маршал Франции, автор трактата «Проект королевской десятины» (1707).

жими фруктами; чтобы угодить их избалованному вкусу, землю заставляют родить круглый год. Простые горожане только потому, что они богаты, позволяют себе проедать за один присест столько, сколько нужно на пропитание сотне семейств. Пусть кто хочет высказывает голос против таких крайностей, я же по мере сил избегаю как бедности, так и богатства и нахожу себе прибежище в золотой середине». Добавьте к этому тексту знаменитую страницу о положении крестьян: «Мы видим в них диких животных...»; вспомните сетования писателя на жестокость судебных приговоров, погружающую его в горестное недоумение, ибо в его глазах осуждение невинного «касается всех людей»; вдумайтесь в его определение лицемера: тот, «который при короле-безбожнике сам становится безбожником», — и вы поймете, почему некоторые комментаторы видели в нем философа в духе XVIII века и революционера, опередившего Революцию на сто лет.

Впрочем, такие определения все же мало подходят писателю, который, будучи рожден французом и христианином, в самой своей сатире не выходил за пределы обычаев Франции и понятия о христианских добродетелях. Если он и дерзал разоблачать лицемерных святош, то лишь в расчете на избранную высокоумную аудиторию; если о вельможах он еще мог судить без снисхождения, то о почитании монарха не забывал никогда. Ведь именно от последнего ждали (даже в 1789 году эти надежды еще были живы), что он обуздает произвол аристократии. «Именованье государя отцом народа — значит не столько воздавать ему хвалу, сколько называть его настоящим именем и правильно понимать истинное назначение монарха». Лабрюйер создает портрет идеального правителя заодно со всеми литераторами-современниками, кроме тех, кто держал свои сочинения в секрете, приписывая Людовику Великому все дарования, подобающие тому, кто воистину царствует. Пользуясь покровительством государя, он может, как Мольер, высмеивать невежество высокородных персон, показывая, насколько их превосходят, даром что вышли из низших сословий, такие важные сановники той поры, как Кольбер и Лувуа¹: они-то «знают в государстве все

¹ *Кольбер Жан-Батист* (1619–1683) — министр финансов и фактический глава правительства после 1665 г. *Лувуа Франсуа Мишель Летелье*, маркиз де (1639–1691) — государственный секретарь по военным делам с 1668 г.

сильные и слабые места», скоро для вельможи станет величайшей удачей попасть к ним в зятя. Это свойство абсолютной власти — устанавливать между всеми подданными государя некое подобие равенства. Дистанция, отделяющая его от прочих смертных, столь велика, что при взгляде с этой межзвездной высоты разница, существующая между подданными, выглядит несущественной. Добрых тиранов не бывает, но монархия все же лучше олигархии при условии, что первая не потворствует второй и крестьянину на его клочке земли под властью разумного короля не приходится страдать от соседства вельможи.

Поэтому уподоблять автора «Характеров» Жюльену Сорелю можно лишь с оговоркой. Лабрюйер — тот же Жюльен Сорель, если бы последний, до гробовой доски оставаясь на службе у маркиза де ла Моля, хладнокровно примечал и описывал пороки того мирка, куда его забросила судьба, подчиняясь тем не менее царящим там законам. Редкие свидетельства, оставленные нам теми, кто знал Лабрюйера, рисуют его веселым и счастливым человеком. Позволительно даже спросить себя, не был ли и сам автор повинен в кое-каких простительных грешках из числа тех, в которых он уличает людей своего круга. Ведь творения моралистов, равно как и романистов, как правило, отчасти исповедальны, и любой автор лучше всего описывает те чувства, которые испытал сам. Марсель Пруст не потому великолепно обличает снобизм, опустошающий душу, что в момент писания воображал себя снобом, а потому, что он им был. В письмах Лабрюйера можно различить мелькающие порой самодовольные, покровительственные интонации, позволяющие догадаться, что он горд дружеским расположением Конде и господина главного придворного врача. Да и в предисловии к речи, которую он произнес в Академии, полемика язвительна сверх меры, а некоторые удары метят малость ниже пояса.

Нет сомнения, что он наперекор своему философическому настрою страдал от неодобрительных отзывов о его произведении, они рождали в нем неприязненное отталкивание: «Едва человек начинает приобретать имя, как на него сразу ополчаются все; даже так называемые друзья не желают мириться с тем, что достоинства его получают признание, а сам он теперь становится известен и как бы причастен к той славе, которую они уже давно приобрели».

Содержание

ОТ ЛАБРЮЙЕРА ДО ПРУСТА

Вступительная заметка. <i>Перевод И. Васюченко</i>	7
Кардинал де Рец. «Мемуары». <i>Перевод И. Васюченко</i>	9
Лабрюйер. «Характеры». <i>Перевод И. Васюченко</i>	20
Фонтенель. «Беседы о множественности миров» <i>Перевод В. Петрова</i>	34
Вольтер. Романы и повести. <i>Перевод И. Васюченко</i>	44
Жан-Жак Руссо. «Исповедь». <i>Перевод И. Васюченко</i>	56
Ретиф де ла Бретон. «Совращенная поселянка» <i>Перевод В. Петрова</i>	69
Лакло. «Опасные связи». <i>Перевод Н. Вернера</i>	85
Гёте. Решающий поворот в его жизни, или Судьба, две женщины и одна карета. <i>Перевод И. Васюченко</i>	102
Джакомо Леопарди. <i>Перевод И. Васюченко</i>	115
Шатобриан. «Замогильные записки». <i>Перевод И. Васюченко</i>	147
Стендаль. «Красное и черное». <i>Перевод И. Васюченко</i>	166
Альфред де Мюссе. Театр. <i>Перевод Я. Лесюка</i>	184
Бальзак. <i>Перевод И. Васюченко</i>	204
Диккенс. «Рождественская песнь». <i>Перевод Ю. Рац</i>	223
Кьеркегор. Его жизнь. <i>Перевод В. Петрова</i>	232
Гюстав Флобер. «Госпожа Бовари». <i>Перевод И. Васюченко</i>	241
Толстой. <i>Перевод Ю. Рац</i>	257
Жизнь Герберта Спенсера в старости. <i>Перевод И. Васюченко</i>	287

Ги де Мопассан. «Сильна как смерть». <i>Перевод В. Петрова</i>	299
Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени» <i>Перевод И. Васюченко</i>	311

ОТ ПРУСТА ДО КАМЮ

Вступительная заметка. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	329
Марсель Пруст. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	331
Анри Бергсон. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	357
Поль Валери. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	373
Ален. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	395
Поль Клодель. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	419
Франсуа Мориак. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	438
Жорж Дюамель. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	467
Антуан де Сент-Экзюпери. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	493
Жак де Лакретель. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	514
Жюль Ромен. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	537
Андре Мальро. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	562
Альбер Камю. <i>Перевод К. Северовой</i>	580